

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380

EDN: ZYFYJV

Долгосрочная динамика дифференциации заработной платы в отечественной промышленности в контексте социальной политики*

Д.В. Диденко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Аннотация. В статье рассмотрено взаимодействие факторов, определивших соотношение оплаты труда двух основных социально-профессиональных групп (рабочие и служащие) в рамках ключевого для индустриального общества сектора материального производства (промышленности) в России/СССР. Эмпирическая база статьи — обработанные официальные данные о заработных платах. Для характеристики совокупных доходов, социальных расходов и трансфертов привлечены материалы из научной литературы. Предложен новый ракурс анализа исторических данных: какие факторы лежали в основе вековой циклической динамики неравенства; какую роль играло перераспределение доходов. Среди факторов выделены: соотношение спроса и предложения квалификаций и навыков, мотивации, социальные механизмы и институты. Роль первой группы факторов раскрывает теория человеческого капитала, фокусирующаяся на взаимодействии сферы образования и трудовых отношений. Институциональный подход к изучению неравенства связывает его измеряемые показатели с их восприятием и характеризуется имманентной историчностью. Сравнение с альтернативными оценками неравенства доходов показывает, что динамика относительного дифференциала оплаты интеллектуального труда в отечественной промышленности отражает вековую циклическую тенденцию неравенства совокупных доходов. Делается вывод, что эгалитарная коммунистическая идеология советской элиты влияла на величину относительного дифференциала оплаты труда, но не на направление его динамики, которое определялось в первую очередь соотношением спроса и предложения. В условиях преобладания в СССР административных методов их балансирования и сильной компрессии зарплат в 1960-е–1980-е годы предприятия имели гибкие инструменты стимулирования производительного труда, в том числе социальные трансферты, — они выступали скорее фактором повышения неравенства, что не соответствовало их целевому назначению выравнивать доходы социально уязвимых групп. Для современной социальной политики важный исторический урок состоит в приоритетности избирательного и целенаправленного использования фискальных инструментов и социальных трансфертов по сравнению с регулированием заработных плат.

*© Диденко Д.В., 2025

Статья поступила в редакцию 11.03.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Ключевые слова: социально-профессиональные группы; индустриальное общество; трудовые отношения; неравенство доходов; идеология; человеческий капитал; социальные трансферты

Для цитирования: Диденко Д.В. Долгосрочная динамика дифференциации заработной платы в отечественной промышленности в контексте социальной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 363–380. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380>

Анализ доходов социально-профессиональных групп, начатый в научной литературе советского периода [1; 22; 23], выводит на крупную научную проблему динамики социальной стратификации дореволюционного, советского и постсоветского обществ, наличии в ней преемственности и изменений (1). Официально социальная структура советского общества состояла из двух классов (занятый в промышленности «рабочий класс» со статусом «гегемона» и занятые в аграрном секторе «крестьянство») и интеллигенции как «социальной прослойки», выполняющей сервисные функции [3; 4; 11; 14; 21], и эти ключевые социальные группы считались получателями преимущественно трудовых доходов и в обществе с господством частнокапиталистических отношений. При характеристике стратификационной структуры также используются понятия «специалисты» или «профессионалы» — как персонификаторы человеческого капитала [16; 17], а при анализе социально-экономических отношений и управленческих практик — понятие «работники интеллектуального труда» [2; 9] как обозначение субъектов формирования и интенсивного использования человеческого капитала в процессах материального и нематериального производства [9. С. 82–92].

В статье продолжен анализ соотношения доходов двух социально-профессиональных групп (рабочие и работники интеллектуального труда в промышленности России/СССР) [см.: 8; 9; 10]. Предшествующие исследования сравнительно мало освещали факторы, стоящие за вековой циклической динамикой распределения доходов в дореволюционной и раннесоветской версиях формирующегося индустриального общества, позднесоветской версии среднеразвитого индустриального общества и его постсоветской версии, осуществившей прорыночную системную трансформацию. Взаимодействие таких факторов выводит на проблематику социальной политики — системы мер в сфере распределения и, главным образом, перераспределения доходов в целях достижения оптимальной (с точки зрения субъектов такой политики) структуры потребления материальных и нематериальных благ различными группами населения. Анализ факторов динамики трудовых доходов, формируемых зарплатами, дополняется анализом динамики социальных трансфертов: если основной целью первых является компенсация трудовых усилий работников, то цель последних — выравнивание доходов социально уязвимых групп (регулирование трудовых отношений — важная часть социальной политики).

Среди факторов, воздействующих на масштабы неравенства доходов, выделяют две основные группы: 1) соотношение спроса и предложения на рынке труда квалификаций и навыков, сформированных в системе образования и на рабочих местах; 2) институциональная среда в широком смысле — система правил формирования, настройки и работы механизмов балансировки спроса и предложения (включая мотивации, побуждения к работе, идеологию правящей элиты). Институциональный подход к экономическому неравенству состоит в том, что динамика объективно измеряемого (с той или иной точностью) уровня неравенства соотносится с изменением социальных механизмов его формирования, среди которых важнейшее место занимает восприятие допустимого и нормального уровней неравенства, господствующих нормативных представлений о социальной справедливости. В свою очередь, они проявляются в социальных действиях, которые так или иначе воздействуют на траекторию изменений количественных показателей неравенства.

В промышленном секторе выделяют две крупные социально-профессиональные группы: рабочие и работники интеллектуального труда — «служащие», а среди них — инженерно-технических работников (ИТР) и служащих в узком значении (руководители и средний персонал) в советский период, руководителей, специалистов и других служащих — в постсоветский. Их общей характеристикой является то, что это наемные работники, получающие трудовые, а не предпринимательские доходы, а различием — характер труда (физический и умственный) и форма его результата (материальная и нематериальная).

Количественный анализ неравенства доходов может проводиться в рамках теории человеческого капитала [9; 16]. Она объясняет структуру трудовых доходов в разрезе премий за квалификацию как следствие полученного образования и опыта работы. Соответственно, различия в доходах в первую очередь соотносятся с различиями в образовательном уровне рабочей силы (при незначимости различий в других характеристиках). Уровень заработной платы промышленных служащих и рабочих хорошо представлен в официальной статистике с 1913 года по настоящее время. Во многом это связано с тем, что советская правящая элита считала промышленный сектор ключевым элементом социально-экономической системы. Данные за 1913–1917 годы были получены благодаря Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 года [19. С. 98] и опубликованы Центральным статистическим управлением СССР [29. С. 189–191]. Категория «служащие» была разделена на следующие подгруппы: директора и управляющие; технический персонал; прочие служащие.

С конца 1920-х по конец 1930-х годов и с 1957 по 2004 годы данные о заработной плате соответствующих социально-профессиональных групп ежегодно (в том числе с пересчетом исторических данных с 1925 года) публиковались в официальных статистических сборниках [9. С. 209–212]. На преемствен-

ность методологии позднесоветского периода в постсоветские годы указывал Госкомстат, смыкая данные в единые ряды [28. 2001. С. 359; 2006. С. 461]. С 2005 года Росстат собирает и публикует данные о численности и заработной плате работников по категориям, наиболее соответствующим группировке переписи 1918 года, в рамках обследования, проводимого раз в два года в октябре [25]. Выборка предприятий смещена в сторону крупной промышленности: здесь группы интересов были лучше организованы и больше преуспевали в их продвижении, особенно в 1960-е — 1980-е годы, когда возросло значение лоббирования и административного торга в планировании и распределении ресурсов [7. С. 320–322, 330–336]. В крупной промышленности размеры зарплат, в том числе руководителей, были выше, чем в мелкой.

Расчитанный на основе официальных статистических данных простой дифференциал — это относительная разница заработных плат двух социально-профессиональных групп [9. С. 174–176; 8. С. 8–12]:

$$dw_t = \frac{w_wc_t}{wbc_t} - 1, \quad (1)$$

где: dw_t — дифференциал оплаты труда в году t ; w_wc_t — заработная плата служащих в году t ; wbc_t — заработная плата рабочих в году t . Согласно теории человеческого капитала дифференциал зарплат — это дополнительный доход в пересчете на один год образования, полученного в организованных формах:

$$dwy_t = \frac{dw_t}{swc_t - sbc_t}, \quad (2)$$

где: dwy_t — премия за один дополнительный год образования в году t ; swc_t — средняя продолжительность образования служащих в году t ; sbc_t — средняя продолжительность образования рабочих в году t . На протяжении всего изучаемого периода эффекты изменения выборки и содержания категорий не были столь значительными, чтобы поставить под сомнение достоверность динамики исследуемого показателя, а расхождения, вытекающие из возможных различий в методологии, были слабыми на фоне сильных изменений его значений. В частности, сокращение простого дифференциала (1) с 80,5 % в 2004 году до 68,5 % в 2005 году при снижении индекса Джини с 46,7 % до 45,6 % может быть связано с эффектами изменения выборки и содержания категорий в связи с переходом российской статистики с ОКОНХ (Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства) на ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности), который не выделяет промышленность. Впрочем, дальнейшее падение дифференциала до 50,4 % и индекса Джини до 41 % свидетельствует в пользу того, что

разницы, вытекающие из возможных различий в методологии, незначительны на фоне сильных изменений самого показателя.

Использование в качестве аналитического инструмента относительного дифференциала заработных плат в пересчете на год разницы в образовательной подготовке (2) основано на следующих допущениях: работники имеют возможность выбирать образование и работу; расходы работников на образование в основном представляли альтернативные издержки (неполученные доходы); соотношение открытых и скрытых доходов (не отраженных в официальной статистике) было одинаковым для промышленных рабочих и служащих; соотношение общего и специфического опыта работы обеих категорий оставалось постоянным; социальные трансферты обеим категориям были пропорциональны их денежной заработной плате; соотношение отдачи на человеческий капитал здоровья (как совокупности физических способностей к будущей трудовой деятельности) для обеих категорий оставалось постоянным.

В [8] реконструирован показатель неравенства заработных плат в экономике СССР/РФ, традиционно измеряемый индексом Джини. Этот ряд за 1968–1991 годы содержит корректировку на эффекты немонетарных привилегий элиты в сторону повышения на 3,9 процентных пунктов, исходя из оценки К. Моррисона [37. С. 133], учитывавшего эффект неравного доступа к потребительским благам (элита могла приобретать товары и услуги по ценам, существенно ниже их равновесной стоимости). Для 1992–2009 годов предпочтение отдано оценкам ЮНИСЕФ [39], до 2005 года несколько превышавшим значения Росстата. Для 2010–2019 годов используются данные Росстата (с интерполяциями) [24].

Сравнение полученных оценок с альтернативными. Динамика относительного дифференциала оплаты интеллектуального труда (2) демонстрирует вековую цикличность частной отдачи от образования (рисунок 1), характерную для многих стран, где после Великой депрессии и Второй мировой войны выравнивание доходов посредством социальных трансфертов и регулирования трудовых отношений привело к компрессии зарплат и снижению отдачи от образования. Так, динамика внутривосточного неравенства зарплат в США с позиций теории человеческого капитала реконструирована в работе К. Голдин и Л. Катц [33. С. 44–88]. В СССР, во многом благодаря коммунистической идеологии правившей элиты, сужение надбавок за квалифицированную работу оказалось чрезвычайно сильным. Напротив, постсоветская рыночная экономика продемонстрировала высокую гибкость зарплат, что позволило дифференциалу вернуться к уровню дореволюционной рыночной экономики раннеиндустриального общества.

Сравнение полученных оценок долгосрочной динамики неравенства, измеренного разными индикаторами, с альтернативными (рисунок 2) показывает, что периоды восходящих и нисходящих тенденций в целом соответствуют

друг другу, хотя моменты поворотных точек могут несколько различаться, как и диапазон колебаний разных индикаторов вследствие их разной размерности. Эти различия объясняются как выборками данных, так и методиками их расчета. Так, использованные Т. Пикетти и его командой [38] в качестве основного источника семейные бюджеты рабочих, служащих и колхозников СССР характеризуются смещенной выборкой, ведущей к занижению масштабов неравенства [31. С 118–119, 131]. Основным недостатком сконструированного ими векового ряда — методологическая неоднородность: значительные повышающие корректировки применены для исходных данных дореволюционного и постсоветского периодов, но практически отсутствуют для советского (2).

Я.Л. ван Занден и соавторы [41] использовали временную шкалу с более широким шагом (5 лет) и более продолжительным хронологическим периодом в 180 лет. Но при отсутствии прямых источников для расчета индекса Джини они применяли модельные оценки на основе косвенных свидетельств, которыми до начала XX века служили данные о человеческом росте. Децильный коэффициент зарплат, используемый в [31 и 40], исключает из рассмотрения 80 % распределения, при этом опирается на результаты измерения в крайних децилях, в которых оно наименее надежно. Примечательно, что в [31] ряд по зарплате несколько длиннее, чем ряд по совокупным доходам (до налогообложения). Представительная межстрановая база данных WIID [40] по России содержит сравнительно короткий ряд сопоставимых данных.

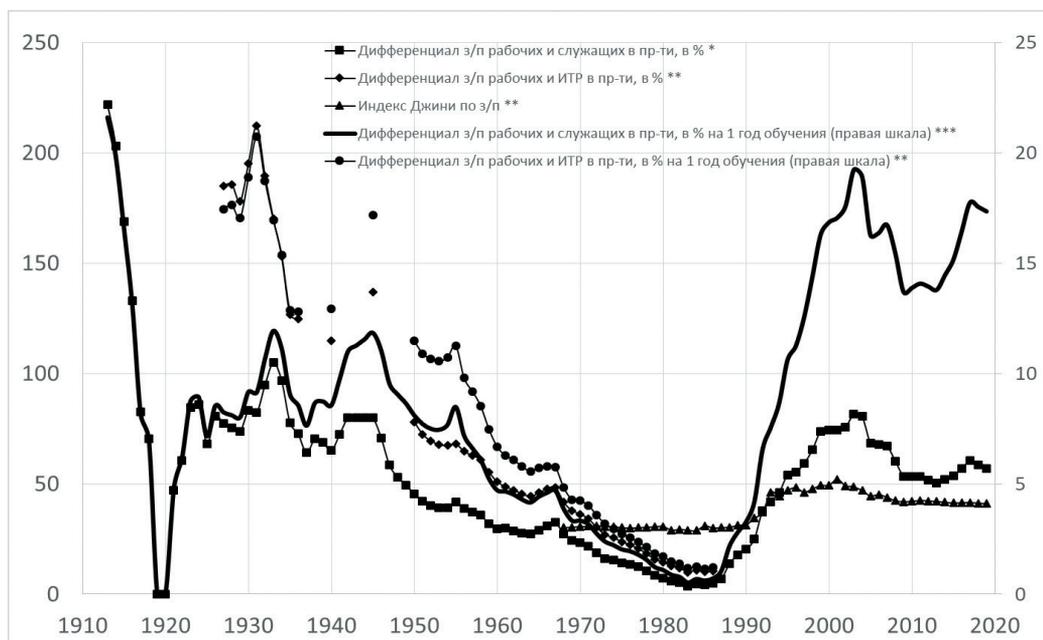

Рис. 1. Результаты расчетов показателей неравенства оплаты труда; * [9], ** [8], *** [8; 10]

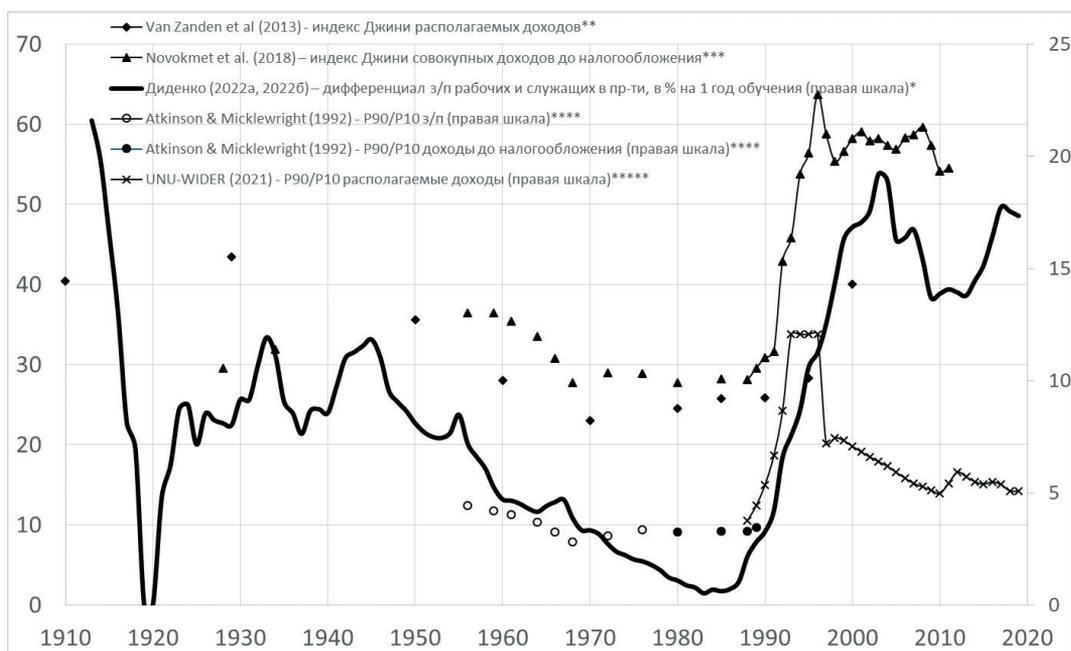

Рис. 2. Дифференциал оплаты труда в промышленности в сравнении с альтернативными оценками неравенства доходов, где P90/P10 — децильный коэффициент — соотношение минимальной оплаты 10 % наиболее обеспеченных работников к максимальной оплате 10 % наименее обеспеченных; * [8; 10], ** [41], *** [38], **** [31], ***** [40]

В целом динамика относительного дифференциала оплаты интеллектуального труда в российской промышленности соответствует динамике неравенства совокупных и располагаемых доходов, которая на долгосрочном горизонте демонстрирует циклические колебания.

Факторы циклической динамики неравенства доходов. Первым по очередности фактором формирования дифференциала оплаты интеллектуального труда является соотношение спроса и предложения квалификаций и навыков, сформированных в системе непрерывного образования и на рабочих местах. На разных исторических этапах этот фактор мог действовать как в сторону выравнивания, так и в сторону усиления дифференциации доходов [15. С. 197–230]. На ранних этапах становления индустриального и постиндустриального общества, сопровождавшихся системными трансформациями, скорее характерна последняя тенденция. Так, свидетельства о динамике дифференциации зарплат более и менее квалифицированных рабочих в период дореволюционной индустриализации [5] позволяют обоснованно полагать, что на 1913 год приходится максимальный уровень неравенства трудовых и смешанных доходов в дореволюционной России при слабой роли социальных трансфертов.

Наиболее релевантным представляется объяснение механизма неравенства трудовых доходов, апеллирующее к идее волн технологического

прогресса, смещенного в пользу высококвалифицированной рабочей силы. Распространение группы технологий, возникших в результате очередного комплекса изобретений, тесно связано с накоплением адекватного человеческого капитала, поскольку для их внедрения и использования необходима квалифицированная рабочая сила с высоким уровнем образования. Соответственно, динамика неравенства определяется исходом «гонки» между технологическим прогрессом и развитием системы образования [33]. Когда рост спроса на образованную рабочую силу, порождаемый технологическим прогрессом, опережает рост ее предложения, разрыв в зарплатах между более и менее образованными работниками увеличивается, и наоборот [13. С. 124].

Во многом на этой логике строится концепция цикличности долгосрочных трендов неравенства доходов: «волны Кузнеца» связаны с разным характером технологического прогресса и сопутствующих изменений на рынках образования и финансовых активов, а также с различием трендов технологии, открытости экономики и политики государства [20. С. 75–161]. В другой циклической концепции — «модифицированной кривой Кузнеца» — возрастание неравенства доходов связано также с радикальным разрушением устойчивых трудовых институтов в ходе системных трансформаций и недостаточной сформированностью новых институтов [9. С. 106–107, 273–274, 296–307].

Утверждение о функционировании рыночных механизмов в сфере трудовых отношений в дореволюционный и постсоветский периоды редко подвергается сомнению, иная ситуация характеризует советскую эпоху, где, за исключением периодов военной экономики, типичный работник имел значительную свободу выбора в отношении образования и места работы, а руководители предприятий по большей части должны были привлекать сотрудников на добровольной основе. Наличие у работников переговорной силы обеспечивалось правом на увольнение по собственному желанию, возможностями отлынивать от работы, получать связанные с ней дополнительные (чаще нелегальные) доходы, присваивать не критичные для функционирования производства объемы оборотных средств или готовой продукции, часто с неявного согласия руководителей предприятий. Показателем в целом рыночного характера занятости в СССР была довольно высокая текучесть рабочей силы, которая со временем снижалась [31; 36]. А.К. Соколов [26. С. 200] справедливо отмечал, что в советской экономике зарплата как цена рабочей силы имела более рыночный характер, чем другие «социалистические цены». При этом значительно ограничивали свободу выбора институты прописки, обязательной занятости и временного распределения после окончания школ, ссуза, вуз, т.е. конкуренция «вокруг» рабочих мест была менее совершенной, чем в западных государствах «всеобщего благосостояния» 1950-х–1970-х годов с сильными переговорными

полномочиями профсоюзов (Франция, Италия, Швеция, Великобритания). Тем не менее, в СССР расширился диапазон возможностей обходить правовые ограничения, т.е. речь может идти лишь о квазирынке труда, который подвергался жесткому администрированию.

Аксиома советского экономического сознания, что производство может быть только материальным, во многом определяло официальное отношение к квалифицированному интеллектуальному труду. Ликвидация существенных различий между умственным и физическим трудом на протяжении всего советского периода провозглашалась одним из идеологических приоритетов социальной политики государства. При этом с позиций советской идеологии интеллектуальный труд промышленных служащих (во всяком случае ИТР), как и физический труд рабочих, считался производительным, в отличие от интеллектуального труда в отраслях нематериального производства сектора услуг («непроизводственной сфере»). В этой связи соотношение между заработной платой промышленных служащих и рабочих в советский период можно рассматривать как основу структурной динамики заработной платы и распределения доходов.

Нормативные представления о допустимом неравенстве, которые задавались официальной идеологией и экономическим сознанием, взаимодействовали с потребностями стимулирования трудовой активности для экономического развития. Главное внутреннее противоречие трудовых отношений в советское время заключалось в борьбе уравнительной и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд [26. С. 178]. Так, в период ускоренной индустриализации и Великой Отечественной войны произошло корректирующее повышение дифференциации зарплат: в этот период догоняющего промышленного развития, обеспечивавшегося мобилизационными методами, потребность в высококвалифицированной рабочей силе и ее редких навыках резко возросла. Поэтому фактическая динамика дифференциации заработной платы отличалась от эталонной, задававшейся эгалитарными идеологическими ценностями.

Сталинскому руководству 1930-х годов пришлось адаптировать марксистский дискурс к этим социальным и экономическим вызовам, гибко используя лексику и цитаты классиков, чтобы создать положительные стимулы, по крайней мере для гражданской рабочей силы, понимая, что она склонна избегать работы на пределе возможностей, если заработная плата падает ниже субъективно воспринимаемого «справедливого» уровня. Модель «справедливая заработная плата — трудовые усилия» [30] тестировалась в работе П. Грегори [7. С. 110–142], где было отмечено использование государственной пропаганды для снижения восприятия «справедливого» уровня и смещения ожидаемого вознаграждения во временном горизонте.

Ставки заработных плат в СССР устанавливались в централизованном порядке, в меру понимания администраторами (как правило недоста-

точного) соотношения между спросом и предложением квалификаций, навыков и нормативными представлениями о желательности ослабления дифференциации. В административном управлении иерархической экономической системой неизбежно возникал конфликт интересов между принципалом (представляющим национальную экономику) и его агентами (представителями предприятий и их подразделений). Интерес агентов состоял в полноте выполнения плановых показателей, установленных принципалом, с учетом их приоритетности, в получении денежных премий, натуральных выплат и нематериальных повышений социального статуса. Агенты имели ограниченный, но гибкий инструментарий стимулирования трудовой деятельности тех, кого считали полезными в выполнении своих задач. Вследствие лучшей информированности и креативности агенты имели больше возможностей манипулирования информацией и институтами, ухода из сферы социального контроля [7. С. 22–23, 182–184, 317–322]. В позднесоветский период, по мере потери командной системой мобилизационного потенциала и ослабления репрессивного давления, такой конфликт интересов скорее усиливался, чем ослабевал.

Среднеразвитое индустриальное общество позднего СССР рассматривалось в зарубежной литературе как аналог государства «всеобщего благосостояния» [36; 42]. Социальные трансферты (в виде выплат из «общественных фондов потребления» — ОФП) во многом выступали как натуральная часть зарплаты, воспроизводили ее дифференциалы через статусные различия и могли вносить вклад в повышение неравенства. В принятии решений о распределении ОФП большую роль играли предприятия, которые, вследствие различного статуса, имели неравные возможности. Кроме того, сокращение дифференциала оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда подрывало стимулы к производительной работе, и посредством выплат ОФП руководство предприятий пыталось их восполнить, что не соответствовало тому, как роль ОФП определялась в государственной идеологии и социальной политике (как зачаточный механизм распределения «по потребностям»). Наиболее крупным видом выплат выступало предоставление жилой площади определенного размера и качества, сокращение срока их улучшения, мелкими компенсациями — льготные путевки в санатории и дома отдыха.

Снижение дифференциации зарплат сочеталось с умеренным расширением дифференциации совокупных доходов за счет расширения доли доходов элиты. На это указывает увеличение (с конца 1960-х по середину 1980-х годов) отношения зарплат 10 % верхнего сегмента к 10 % нижнего [23. С. 54–57], что могло быть вызвано ростом как нелегальных предпринимательских доходов, поступавших в сферу потребления, так и разного рода смешанных доходов. С началом прорыночных реформ в середине 1980-х годов началось обратное движение дифференциации оплаты труда — как реакция на «уравниловку»

предшествующего периода. В официальном дискурсе эта тенденция получала обоснование как восстановление принципов «социалистической оплаты по труду». С переходом к рыночной экономике в 1990-е годы тенденция роста неравенства доходов проявилась в России в большей степени, чем в других странах с переходной экономикой. Важнейшую роль в этом сыграло ослабление институтов, сдерживавших неравенство, в том числе делигитимация официального марксизма как государственной идеологии.

Государственная политика регулирования рынка труда на протяжении последних 20–30 лет характеризовалась приоритетом ограничения безработицы, недопущения экстремальных проявлений «провалов» рынка и государства (голода и социальных волнений) при прямом невмешательстве в рыночные механизмы установления заработных плат. Косвенное воздействие оказывали низкие ставки в бюджетном секторе и заниженный (относительно прожиточного минимума) минимальный размер оплаты труда. С начала 2000-х годов, после того как был пройден наиболее острый и хаотичный этап прорыночной системной трансформации, неравенство зарплат и доходов начало ослабевать. То, что последний максимальный уровень дифференциала в 2017 году (60,4 %) не превысил достигнутый в 2003 году (81,6 %), — признак тенденции к ослаблению неравенства (рисунок 1), что подтверждается другими исследованиями (рисунок 2). В то же время относительные дифференциалы заработной платы показывают, что в 2011–2021 годы более квалифицированные работники (особенно занятые управленческой деятельностью) несколько улучшили свое положение относительно менее квалифицированных (таблица 1). В рамках векового цикла соответствующие премии остаются исторически высокими — примерно 17 % за дополнительный год образования (рисунок 1).

Несмотря на снижение роли предприятий в социальных расходах (помимо социальных трансфертов включают расходы на образование и здравоохранение), сохраняется их сравнительно высокий уровень [34. С. 135–141], а также высокий (в международном контексте) редистрибутивный эффект налоговой системы [35. С. 37–38]. Имеющиеся фрагментарные данные о доле социальных расходов в ВВП свидетельствуют, что их относительное снижение в 1990-е годы (в условиях сильного сжатия экономики) носило коррекционный характер, а постсоветская Россия (13,09 % ВВП в 2010 году) ближе к позднему СССР (16,81 % ВВП в 1970 году) и достаточно далека как от поздней Российской империи (0,59 % ВВП в 1870–1890 годы), так и от раннего СССР (4,31 % ВВП в 1930 году) [34. С. 137].

Для субъективного восприятия неравенства важно наличие в обществе каналов вертикальной мобильности, т.е. возможности улучшить социальное положение, следуя действующим правилам [32]. Отмечаемая в условиях снижения роли конкурентных принципов тенденция к «склеротизации» институтов, определяющих шансы, каналы и темпы социальной мобильности, в числе прочего ведет к снижению толерантности российского общества к неравенству (3).

Дифференциалы заработной платы социально-профессиональных групп в промышленности (2005–2021)

Год	Среднемесячная заработная плата, руб. в текущих ценах					Дифференциалы заработной платы, %		
	Руководители	Специалисты	Другие служащие	Всего РИТ*	Рабочие	РИТ* / рабочие	Руководители / специалисты	Специалисты / другие служащие
2005	21106	12209	7754	1531	8918	69	73	57
2007	31740	18454	11717	22 563	13496	67	72	58
2009	34497	23168	15187	26274	17122	53	49	53
2011	43716	30094	18252	33904	22133	53	45	65
2013	52665	35877	22917	40812	27137	50	47	57
2015	63015	42356	27889	48530	31618	53	49	52
2017	78837	51206	30922	58828	36677	60	54	66
2019	88535	58270	36560	66649	42486	57	52	59
2021	109966	70565	43409	82206	51095	61	56	63

* Работники интеллектуального труда — руководители, специалисты и другие служащие

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата [24; 25; 28]

Таким образом, развороты тенденций в динамике неравенства (середина 1910-х, конец 1920-х, вторая половина 1940-х, первая половина 1980-х, середина 2000-х), как правило, предшествовали изменениям в институциональной среде исторических версий российского индустриального общества, т.е. (квази)-рыночный фактор определял вектор рассматриваемой динамики. Но другая группа факторов (мотивации, социальные механизмы и институты) на протяжении более чем векового периода по-разному воздействовала на масштабы неравенства и усиливала движения в рамках определенных тенденций.

Работники интеллектуального труда и рабочие промышленности — две основные социально-профессиональные группы индустриального общества. Величина относительного дифференциала оплаты их труда определя-

ется, с одной стороны, соотношением спроса и предложения квалификаций и навыков, с другой — институциональной средой, в которой важное место занимают нормативные представления о справедливости распределения доходов. Итоговый измеряемый показатель неравенства — результат взаимодействия комплекса факторов, и тенденции его динамики определялись в первую очередь соотношением спроса и предложения квалифицированного труда, а также господствовавшей эгалитарной идеологией элиты. В советский период государственная политика пыталась балансировать спрос и предложение преимущественно административными методами, а на уровне предприятий имелись гибкие инструменты стимулирования труда. В условиях сильной компрессии зарплат в 1960-е — 1980-е годы важную роль стали играть социальные трансферты, но их использование для стимулирования труда считается нецелевым. Советская модель предоставления социальных благ через предприятия имела слабый выравнивающий эффект — фактором роста неравенства было различие ресурсов и возможностей предприятий.

Неравенство зарплат рассмотренных социально-профессиональных групп положительно коррелирует с совокупным неравенством доходов. Тем более интересны выявленные случаи их рассогласованного движения: 1) в СССР 1960-х — начала 1980-х годов, когда отдача на образование понижалась при некотором усилении неравенства совокупных доходов; 2) в России последних двух десятилетий, когда сравнительно высокая оплата интеллектуального труда сочеталась с некоторым ослаблением исторически высокого неравенства доходов, во многом за счет сильного редистрибутивного эффекта налоговой системы. В условиях понижающейся толерантности российского общества к неравенству важную роль в его дальнейшем ослаблении призвано играть не столько регулирование ставок и размеров заработных плат, сколько избирательное и целенаправленное использование фискальных инструментов и социальных трансфертов. Один из важных уроков (пере)распределения доходов в позднем СССР состоит в том, что жесткое регулирование заработных плат способно исказить действие внерыночных инструментов (социальных трансфертов). Другое важное направление исследований — снижение роли некогнитивных факторов (дискриминации по полу, происхождению, национальности и прочих видов).

Примечания

- (1) Эта проблема на материале постсоветской России рассматривается, в частности, в работе Н.Е. Тихоновой [27].
- (2) Вопросы о степени достоверности исходных данных и расчетов подробно освещены в отношении постсоветского периода Р.И. Капелюшниковым [12], советского и постсоветского — частично Д.В. Диденко [8; 10].
- (3) Соответствующие эмпирические свидетельства приведены в [6; 18].

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г., Майер В.Ф. Заработная плата в СССР. М., 1959.
2. Андреева Т.Е. Работник интеллектуального труда: подход к определению // Вестник СПбГУ. Серия 8: Менеджмент. 2007. № 4.
3. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия. Курган, 2007.
4. Бляхман Л.С., Шкаратан О.И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973.
5. Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца? // Россия и мир. М., 2001.
6. Гимпельсон В.Е., Чернина Е.М. Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2.
7. Грегори П.Р. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
8. Диденко Д.В. Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики // Уральский исторический вестник. 2022. № 1.
9. Диденко Д.В. Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015.
10. Диденко Д.В. Неравенство доходов в современной России на фоне долгосрочной исторической ретроспективы // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 2.
11. Интеллигенция современного российского общества: поиски смысла жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020.
12. Капелюшников Р.И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. 2020. № 4.
13. Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4.
14. Капогузов Е.А. Неявный социальный контракт в советском высшем образовании и его трансформация в 1990-х годах // Journal of Institutional Studies. 2023. Т. 15. № 3.
15. Ключарев Г.А., Диденко Д.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование. М., 2017.
16. Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество — новый ресурс — новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2.
17. Латова Н.В., Латов Ю.В. Опоздавшие к третьей образовательной революции (компаративистский анализ человеческого капитала российских специалистов-профессионалов) // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12. № 2.
18. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1.
19. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979.
20. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М., 2017.
21. Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда / Под ред. О.И. Шкаратана. М., 1985.
22. Римашевская Н.М. Экономический анализ доходов рабочих и служащих. М, 1965.
23. Римашевская Н.М., Римашевский А.А. Равенство или справедливость? М., 1991.
24. Российский статистический ежегодник. М., 2010–2022 // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.
25. Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала и профессиональным группам // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>.
26. Соколов А.К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории. Вып. 9 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.-Тула, 2010.
27. Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х — конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 8.

28. Труд и занятость в России. М., 2001, 2006, 2007, 2009 // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>.
29. Труды Центрального статистического управления СССР. Т. XVIII: 1918–1923. М., 1924.
30. *Akerloff G., Yellen J.* The fair wage-effort hypothesis and unemployment // *Quarterly Journal of Economics*. 1990. Vol. 105. No. 2.
31. *Atkinson A.B., Micklewright J.* Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income. Cambridge, 1992.
32. *Gimpelson V.E., Treisman D.* Misperceiving inequality // *Economics and Politics*. 2018. Vol. 30. No. 1.
33. *Goldin C., Katz L.* The Race Between Education and Technology. Cambridge, 2008.
34. *Lindert P.H.* Making Social Spending Work. Cambridge, 2021.
35. *Lindert P.H.* The Rise and Future of Progressive Redistribution. CEQ Working Paper 73. 2017 // URL: https://commitmenttoequity.org/wp-content/uploads/2017/11/CEQ-WP73_Lindert_RiseFutureProgressiveRedistribution_Oct17_2017.pdf.
36. *McAuley A.* Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality. Madison-Herts, 1979.
37. *Morrisson C.* Income distribution in East European and Western countries // *Journal of Comparative Economics*. 1984. Vol. 8. No. 2.
38. *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia 1905–2016 // *Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 16. No. 2.
39. TransMONEE. Database. UNICEF Regional Office for CEECIS. Geneva, 2011 // URL: http://transmonee.org/wp-content/uploads/2016/05/Tables_TransMonee_2011.xls.
40. UNU-WIDER. World Income Inequality Database (WIID) 2021 // URL: <https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid>.
41. *Van Zanden J.L., Baten J., Földvari P., Van Leeuwen B.* The changing shape of global inequality 1820–2000: Exploring a new dataset // *Review of Income and Wealth*. 2013. Vol. 60. No. 2.
42. *Von Beyme K.* Sozialismus oder Wohlfahrtsstaat? Sozialpolitik und Sozialstruktur der Sowjetunion im Systemvergleich. München, 1977.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380

EDN: ZYFYJV

Long-term dynamics of wage differentiation in the national industry in the framework of social policy*

D.V. Didenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Abstract. The article considers the interplay of factors that determined the wage ratio dynamics of two social-professional groups (blue- and white-collar workers) in Russia/USSR, focusing on the core sector of material production in the industrial society and based on the official statistical data

*© D.V. Didenko, 2025

The article was submitted on 11.03.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

on wages. To explain the trends of total income, social expenditures and transfers, the author refers to the relevant scientific research, suggesting a new perspective for the analysis of historical data — what factors contributed to the secular cyclical dynamics of inequality and what role the income redistribution played. The factors include the patterns of supply and demand for qualifications and skills and motivations, social mechanisms and institutions. The theory of human capital, which focuses on the interaction between education and labor relations, helps to understand the role of the first group of factors. The institutional approach to the study of inequality associates its indicators with the perception and emphasizes its inherent historicity. The comparison with alternative estimates of the income inequality shows that the dynamics of the relative white-collar's wage differential in the national industry reflects the secular cyclical trend of overall income inequality. The author argues that the egalitarian ideology of the Soviet elite affected the scale of the relative wage differential but not the direction of its trend as determined primarily by the relationship between supply and demand. Under the dominant administrative methods of balancing them in the USSR and severe wage compression in the 1960s–1980s, the enterprise management used flexible incentive instruments to stimulate productive labor, including social transfers that seem to be an inequality enhancing factor despite their declared purpose of equalizing the incomes of socially vulnerable groups. For the contemporary social policy, an important history lesson is the priority of selective and targeted use of fiscal instruments and social transfers over wage regulation.

Key words: social-professional groups; industrial society; labor relations; income inequality; ideology; human capital; social transfers

For citation: Didenko D.V. Long-term dynamics of wage differentiation in the national industry in the framework of social policy. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 363–380. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380>

References

1. Aganbegyan A.G., Mayer V.F. *Zarabotnaya plata v SSSR* [Wages in the USSR]. Moscow; 1959. (In Russ.).
2. Andreeva T.E. Rabotnik intellektualnogo truda: podkhod k opredeleniyu [Knowledge worker: An approach to definition]. *Vestnik SPbGU. Seriya 8: Menedzhment*. 2007; 4. (In Russ.).
3. Barbakova K.G., Mansurov V.A. *Intelligentsiya i vlast: dinamika vzaimodeistviya* [Intelligentsia and Power: Dynamics of Interaction]. Kurgan; 2007. (In Russ.).
4. Blyakhman L.S., Shkaratan O.I. *NTR, rabochy klass, intelligentsiya* [STR, Working Class, Intelligentsia]. Moscow; 1973. (In Russ.).
5. Borodkin L.I. Neravenstvo dokhodov v period industrialnoi revolyutsii. Universalna li gipoteza o krivoi Kuzneta? [Income inequality under the industrial revolution. Is the Kuznets Curve Hypothesis universal?] *Rossiya i mir. Pamyati professora Valeriya Ivanovicha Bovykina*. Moscow; 2001. (In Russ.).
6. Gimpelson V.E., Chernina E.M. Polozhenie na shkale dokhodov i ego sub'ektivnoe vospriyatie [Position on the income scale and its subjective perception]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2020; 2. (In Russ.).
7. Gregory P.R. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow; 2008. (In Russ.).
8. Didenko D.V. Vekovye tendentsii neravenstva dokhodov v Rossii: sravnitelny analiz statisticheskoi dinamiki [Secular trends of income inequality in Russia: A comparative analysis of the statistical dynamics]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*. 2022; 1. (In Russ.).
9. Didenko D.V. *Intellektualoemkaya ekonomika: chelovechesky kapital v rossiiskom i mirovom sotsialno-ekonomicheskom razviti* [Knowledge-Intensive Economy: Human Capital in Russian and Global Social-Economic Development]. Saint Petersburg; 2015. (In Russ.).
10. Didenko D.V. Neravenstvo dokhodov v sovremennoi Rossii na fone dolgosrochnoi istoricheskoi retrospektivy [Income inequality in contemporary Russia in the long-term historical perspective]. *Terra Economicus*. 2022; 20 (2). (In Russ.).

11. Toshchenko Zh.T. (Ed.) *Intelligentsiya sovremennoego rossiiskogo obshchestva: poiski smysla zhizni* [Intelligentsia in the Contemporary Russian Society: In Search for the Meaning of Life]. Moscow; 2020. (In Russ.).
12. Kapelyushnikov R.I. Komanda T. Piketti o neravenstve v Rossii: kolleksiya statisticheskikh artefaktov [Piketty's team on inequality in Russia: A collection of statistical artifacts]. *Voprosy Ekonomiki*. 2020; 4. (In Russ.).
13. Kapelyushnikov R.I. Neravenstvo: kak ne primitivizirovat problemu [Inequality: How not to primitivize the issue]. *Voprosy Ekonomiki*. 2017; 4. (In Russ.).
14. Kapoguzov E.A. Neyavny sotsialny kontrakt v sovetskom vysshem obrazovanii i ego transformatsiya v 1990-h godah [The implicit social contract in the Soviet higher education and its transformation in the 1990s]. *Journal of Institutional Studies*. 2023; 15 (3). (In Russ.).
15. Klyucharev G.A., Didenko D.V., Latov Yu.V., Latova N.V. *Sotsiologiya obrazovaniya. Dopolnitelnoe i nepreryvnoe obrazovanie* [Sociology of Education. Additional and Continuing Education]. Moscow; 2017. (In Russ.).
16. Latov Yu.V., Tikhonova N.E. Novoe obshchestvo — novy resurs — novy klass? (K 60-letiyu teorii chelovecheskogo kapitala) [A new society — a new resource — a new class? (to the 60th anniversary of the human capital theory)]. *Terra Economicus*. 2021; 19 (2). (In Russ.).
17. Latova N.V., Latov Yu.V. Opozdavshie k tretyei obrazovatelnoi revolyutsii (Komparativistsky analiz chelovecheskogo kapitala rossiiskikh spetsialistov-professionalov) [Latecomers to the third educational revolution (comparative analysis of the human capital of Russian specialists)]. *Journal of Institutional Studies*. 2020; 12 (2). (In Russ.).
18. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Tolerantnost k sotsialnym neravenstvam v epokhu neopredelennosti v Rossii: vazhna li sub`ektivnaya mobilnost? [Tolerance to social inequalities in the era of uncertainty in Russia: Is subjective mobility important?]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2022; 1. (In Russ.).
19. Kovalchenko I.D. (Ed.) *Massovye istochniki po sotsialno-ekonomicheskoi istorii sovetskogo obshchestva* [Mass Sources on the Social-Economic History of the Soviet Society]. Moscow; 1979. (In Russ.).
20. Milanovic B. *Globalnoe neravenstvo. Novy podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global Inequality: A New Approach for the Era of Globalization]. Moscow; 2017. (In Russ.).
21. Shkaratan O.I. (Ed.) *Rabochy i inzhener. Sotsialnye faktory effektivnosti truda* [Worker and Engineer. Social Factors of Labor Efficiency]. Moscow; 1985. (In Russ.).
22. Rimashevskaya N.M. *Ekonomichesky analiz dokhodov rabochih i sluzhashchih* [Economic Analysis of Workers' and Employees' Incomes]. Moscow; 1965. (In Russ.).
23. Rimashevskaya N.M., Rimashevsky A.A. *Ravenstvo ili spravedlivost?* [Equality or Justice?]. Moscow; 1991. (In Russ.).
24. Rossiisky statistichesky ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. Moscow; 2010–2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.
25. Svedeniya o zarabotnoi plate rabotnikov v organizatsiyah po kategoriyam personala i professionalnym gruppam [Data on employees' wages in organizations by personnel categories and professional groups]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>. (In Russ.).
26. Sokolov A.K. Problemy motivatsii truda na sovetskih predpriyatiyah [Issues of labor motivation at Soviet enterprises]. Sakharov A.N., Rudaia E.N. (Eds.). *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. Vol. 9. Moscow-Tula; 2010. (In Russ.).
27. Tikhonova N.E. Transformatsii sotsialnoi struktury rossiiskogo obshchestva: konets 1980-h — konets 2010-h gg. [Transformations of the social structure of the Russian society in the late 1980s — late 2010s]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 8. (In Russ.).
28. Trud i zanyatost v Rossii [Labor and Employment in Russia]. Moscow; 2007, 2009. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>.
29. Trudy Tsentralnogo statisticheskogo upravleniya SSSR [Works of the Central Statistical Board of the USSR]. Vol. XVIII: 1918–1923. Moscow; 1924. (In Russ.).

30. Akerloff G., Yellen J. The fair wage-effort hypothesis and unemployment. *Quarterly Journal of Economics*. 1990; 105 (2).
31. Atkinson A.B., Micklewright J. *Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income*. Cambridge; 1992.
32. Gimpelson V.E., Treisman D. Misperceiving inequality. *Economics and Politics*. 2018; 30 (1).
33. Goldin C., Katz L. *The Race Between Education and Technology*. Cambridge; 2008.
34. Lindert P.H. *Making Social Spending Work*. Cambridge; 2021.
35. Lindert P.H. *The Rise and Future of Progressive Redistribution*. CEQ Working Paper 73. 2017. URL: https://commitmenttoequity.org/wp-content/uploads/2017/11/CEQ-WP73_Lindert_RiseFutureProgressiveRedistribution_Oct17_2017.pdf.
36. McAuley A. *Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality*. Madison-Herts; 1979.
37. Morrisson C. Income distribution in East European and Western countries. *Journal of Comparative Economics*. 1984; 8 (2).
38. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia 1905–2016. *Journal of Economic Inequality*. 2018; 16 (2).
39. TransMONEE. Database. UNICEF Regional Office for CEE/CIS. Geneva; 2011. URL: http://transmonee.org/wp-content/uploads/2016/05/Tables_TransMonee_2011.xls.
40. UNU-WIDER. World Income Inequality Database (WIID). 2021. URL: <https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid>.
41. Van Zanden J.L., Baten J., Földvari P., Van Leeuwen B. The changing shape of global inequality 1820–2000: Exploring a new dataset. *Review of Income and Wealth*. 2013; 60 (2).
42. Von Beyme K. *Sozialismus oder Wohlfahrtsstaat? Sozialpolitik und Sozialstruktur der Sowjetunion im Systemvergleich*. München; 1977.